

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13.01.2020 № 1-П «По делу о проверке конституционности частей 2 и 3 статьи 13, пункта 5 части 5 статьи 19 и части 1 статьи 20 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки Р.Д. Свечниковой»

Содержание жалобы

Части 2 и 3 статьи 13, пункт 5 части 5 статьи 19 и часть 1 статьи 20 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» являются предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по данному делу в той мере, в какой на основании данных законоположений в системе действующего правового регулирования решается вопрос о доступе к информации о состоянии здоровья умершего, в том числе к его медицинской документации, лица, указанного в информированном добровольном согласии пациента на медицинское вмешательство в качестве лица, которому в интересах пациента может быть передана информация о состоянии его здоровья, а также супруга умершего, его близких родственников, а при их отсутствии - иных родственников.

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации признал взаимосвязанные положения частей 2 и 3 статьи 13, пункта 5 части 5 статьи 19 и части 1 статьи 20 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» не соответствующими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования неопределенность их нормативного содержания не позволяет определить условия и порядок доступа к медицинской документации умершего пациента его супруга (супруги), близких родственников (членов семьи) и (или) иных лиц, указанных в его информированном добровольном согласии на медицинское вмешательство.

Комментарий

Для приведения правового регулирования, касающегося права супругов, близких родственников или иных заинтересованных лиц на доступ к медицинской документации умершего пациента, в соответствие с конституционными критериями определенности правовых норм федеральному законодательству надлежит внести в действующее законодательство изменения, которые позволят нормативно определить условия и порядок доступа названных лиц к медицинской документации умершего пациента.

Впредь до внесения в законодательство необходимых изменений, вытекающих из данного Постановления, медицинским организациям надлежит по требованию супруга (супруги), близких родственников (членов семьи) умершего пациента, лиц, указанных в его информированном добровольном согласии на медицинское вмешательство, предоставлять им для ознакомления медицинские документы умершего пациента, с возможностью снятия своими силами копий

(фотокопий), а если соответствующие медицинские документы существуют в электронной форме - предоставлять соответствующие электронные документы.

При этом отказ в таком доступе может быть признан допустимым только в том случае, если при жизни пациент выразил запрет на раскрытие сведений о себе, составляющих врачебную тайну.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14.01.2020 № 2-П «По делу о проверке конституционности абзацев первого и четвертого пункта 30 Типового положения о предоставлении социальных выплат на строительство (приобретение) жилья гражданам Российской Федерации, проживающим в сельской местности, в том числе молодым семьям и молодым специалистам (приложение № 4 к федеральной целевой программе «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014 - 2017 годы и на период до 2020 года», утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 15 июля 2013 года № 598), в связи с жалобой гражданки М.В. Алисовой»

Содержание жалобы

Абзацы первый и четвертый пункта 30 Типового положения о предоставлении социальных выплат на строительство (приобретение) жилья гражданам Российской Федерации, проживающим в сельской местности, в том числе молодым семьям и молодым специалистам, являются предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по данному делу в той мере, в какой они, будучи воспроизведены в нормативных актах субъекта Российской Федерации, служат основанием для решения судом вопроса о взыскании по иску органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации с гражданина - получателя социальной выплаты на строительство (приобретение) жилья в сельской местности денежных средств в размере предоставленной социальной выплаты в связи с тем, что право собственности граждан на жилое помещение не зарегистрировано в срок, установленный нормативным актом субъекта Российской Федерации.

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации признал абзацы первый и четвертый пункта 30 Типового положения о предоставлении социальных выплат на строительство (приобретение) жилья гражданам Российской Федерации, проживающим в сельской местности, в том числе молодым семьям и молодым специалистам, не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку они предполагают, что решение суда по иску органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации о взыскании с получателя социальной выплаты на строительство (приобретение) жилья в сельской местности денежных средств в размере предоставленной социальной выплаты в случае, если ее

получатель не осуществил регистрацию права собственности на жилое помещение в срок, определенный нормативным актом субъекта Российской Федерации, должно приниматься на основе установления и исследования всех имеющих значение для разрешения дела обстоятельств, в том числе причин пропуска данного срока, разумности и осмотрительности действий получателя социальной выплаты, соблюдения им условий ее использования, предусмотренных нормативными актами и договором о ее предоставлении.

Комментарий

Правительство Российской Федерации с учетом Конституции Российской Федерации и правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в данном Постановлении, не лишено возможности внести в регулирование соответствующих отношений изменения, позволяющие учитывать все обстоятельства, связанные с отсутствием регистрации права собственности на жилое помещение по истечении установленного срока, и предусмотреть дифференциацию таких сроков в зависимости от выбранного гражданином способа реализации потребности в жилище, а также предусмотреть механизм, обеспечивающий переход к Российской Федерации и (или) субъектам Российской Федерации - в пределах выплаченных сумм социальной выплаты - требования к ответственному за причинение получателю социальной выплаты убытков лицу, в отношении которого возбуждено исполнительное производство и которым решение суда частично или полностью не исполнено, если во взыскании денежных средств с получателя социальной выплаты было отказано.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21.01.2020 № 3-П «По делу о проверке конституционности положения статьи 54 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки С»

Содержание жалобы

Положение статьи 54 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации является предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по данному делу в той мере, в какой оно связывает право на обжалование судебных постановлений по делу о признании гражданина недееспособным через лично избранного данным гражданином адвоката с наличием доверенности, специально наделяющей адвоката правом на обжалование судебных постановлений.

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации признал положение статьи 54 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации во взаимосвязи с положением части третьей статьи 284 данного Кодекса не

противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку оно не предполагает возможности отказа суда в рассмотрении по существу жалоб адвоката, направленных на оспаривание решения суда о признании гражданина недееспособным и поданных адвокатом, действующим на основании ордера, по мотиву отсутствия у адвоката выданной этим гражданином доверенности, специально оговаривающей его полномочие на обжалование судебного постановления, если из конкретных обстоятельств следует, что адвокат действует в интересах и по воле этого гражданина.

Комментарий

Положение статьи 54 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, предусматривающее, что право представителя на обжалование судебного постановления должно быть специально оговорено в выданной представляемым лицом доверенности, и находящееся в неразрывной связи с положением части третьей статьи 284 данного Кодекса о праве гражданина, признанного недееспособным, обжаловать соответствующее решение суда, по своему конституционно-правовому смыслу не предполагает возможности отказать в рассмотрении по существу жалоб адвоката, направленных на оспаривание решения суда о признании гражданина недееспособным, даже если адвокат действует на основании ордера при отсутствии доверенности, выданной этим гражданином и специально оговаривающей полномочие адвоката на обжалование судебного постановления, когда из конкретных обстоятельств следует, что адвокат действует в интересах этого гражданина (которые презюмируются как состоящие в том, чтобы вышестоящий суд осуществил проверку правильности судебного решения о признании его недееспособным) и по его воле, выраженной в той или иной объективированной форме и нацеленной на рассмотрение соответствующих жалоб.

Этим не исключается право федерального законодателя внести в действующее правовое регулирование изменения, вытекающие из данного Постановления и направленные на совершенствование механизма, обеспечивающего защиту права гражданина, признанного решением суда недееспособным, на обжалование этого решения как лично, так и с помощью выбранного им самим адвоката.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23.01.2020 № 4-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 63 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина В.А. Чистякова»

Содержание жалобы

Предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по данному делу является часть 1 статьи 63 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в той мере, в какой на ее основании решается вопрос о предоставлении отпуска по личным обстоятельствам продолжительностью 30 календарных дней с сохранением денежного довольствия сотруднику органов внутренних дел, увольняемому со службы по основанию, предусмотренному пунктом 1 части 3 статьи 82 данного Федерального закона (в связи с болезнью - на основании заключения военно-врачебной комиссии о негодности к службе в органах внутренних дел).

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации признал часть 1 статьи 63 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» не соответствующей Конституции Российской Федерации, в той мере, в какой содержащееся в ней положение - о предоставлении отпуска в год увольнения со службы в связи с состоянием здоровья - в системе действующего правового регулирования в силу своей неопределенности не позволяет однозначно установить, приобретают ли сотрудники органов внутренних дел, увольняемые со службы по пункту 1 части 3 статьи 82 данного Федерального закона (в связи с болезнью - на основании заключения военно-врачебной комиссии о негодности к службе в органах внутренних дел), право на отпуск по личным обстоятельствам продолжительностью 30 календарных дней с сохранением денежного довольствия.

Комментарий

Министерство юстиции Российской Федерации полагает, что оспариваемая норма не позволяет сделать однозначный вывод о том, только ли сотрудник органов внутренних дел, увольняемый по состоянию здоровья, имеет право на отпуск по личным обстоятельствам либо данная гарантия распространяется на лиц, увольняемых в связи с болезнью.

Министерство внутренних дел Российской Федерации отмечает, что использование законодателем в оспариваемой норме формулировки «в связи с состоянием здоровья», отличной от имеющих в Федеральном законе «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» формулировок

оснований увольнения сотрудника со службы в органах внутренних дел («по состоянию здоровья», «в связи с болезнью»), может создавать неопределенность в установлении круга субъектов, на которых распространяются закрепленные оспариваемой нормой гарантии.

В свою очередь, Генеральная прокуратура Российской Федерации указывает, что положения оспариваемой нормы по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, предоставляя право на дополнительный отпуск при увольнении по состоянию здоровья, исключают предоставление данного права при увольнении в связи с болезнью, т.е. ставят в неравное положение лиц, фактически принадлежащих к одной категории - сотрудники органов внутренних дел, увольняемые по заключению военно-врачебной комиссии, и при этом подчеркивает, что такие различия в объеме дополнительных гарантий сотрудников вряд ли можно признать разумными и оправданными.

Федеральному законодателю надлежит незамедлительно принять меры по устранению неопределенности нормативного содержания части 1 статьи 63 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28.01.2020 № 5-П «По делу о проверке конституционности положений части четвертой статьи 7 Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их семей», подпункта 2 пункта 1 статьи 6, пункта 2.2 статьи 22 и пункта 1 статьи 28 Федерального закона «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации», подпункта 2 пункта 1 статьи 419 Налогового кодекса Российской Федерации, а также частей 2 и 3 статьи 8, части 18 статьи 15 Федерального закона «О страховых пенсиях» в связи с жалобой гражданки О.В. Морозовой»

Содержание жалобы

Предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по данному делу являются положения части четвертой статьи 7 Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного

исполнения Российской Федерации, и их семей», подпункта 2 пункта 1 статьи 6, пункта 2.2 статьи 22 и пункта 1 статьи 28 Федерального закона «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации», подпункта 2 пункта 1 статьи 419 Налогового кодекса Российской Федерации, а также частей 2 и 3 статьи 8, части 18 статьи 15 Федерального закона «О страховых пенсиях» в той мере, в какой на их основании (во взаимосвязи с абзацем третьим пункта 1 статьи 7 Федерального закона «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации») решается вопрос о возложении на адвокатов из числа военных пенсионеров обязанности по уплате страховых взносов на обязательное пенсионное страхование, в том числе по солидарной части тарифа, без установления гарантий получения при наступлении страхового случая страховой пенсии по старости с учетом фиксированной выплаты.

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации признал подпункт 2 пункта 1 статьи 6, пункт 2.2 статьи 22, пункт 1 статьи 28 Федерального закона «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации», подпункт 2 пункта 1 статьи 419 Налогового кодекса Российской Федерации, часть четвертую статьи 7 Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их семей», части 2 и 3 статьи 8, часть 18 статьи 15 Федерального закона «О страховых пенсиях» в их взаимосвязи с абзацем третьим пункта 1 статьи 7 Федерального закона «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» не противоречащими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они, признавая адвокатов из числа военных пенсионеров страхователями по обязательному пенсионному страхованию, возлагают на них обязанность по уплате страховых взносов на обязательное пенсионное страхование с целью обеспечения их права на получение обязательного страхового обеспечения по обязательному пенсионному страхованию.

Конституционный Суд Российской Федерации признал подпункт 2 пункта 1 статьи 6, пункт 2.2 статьи 22 и пункт 1 статьи 28 Федерального закона «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации», подпункт 2 пункта 1 статьи 419 Налогового кодекса Российской Федерации, часть четвертую статьи 7 Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их семей», части 2 и 3 статьи 8, часть 18 статьи 15 Федерального закона «О

страховых пенсиях» в их взаимосвязи с абзацем третьим пункта 1 статьи 7 Федерального закона «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» не соответствующими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они характеризуются неопределенностью нормативного содержания применительно к объему и условиям формирования и реализации в системе обязательного пенсионного страхования пенсионных прав адвокатов из числа военных пенсионеров, надлежащим образом исполняющих обязанности страхователя по уплате страховых взносов на обязательное пенсионное страхование.

Комментарий

Федеральному законодателю надлежит незамедлительно принять меры по устранению неопределенности нормативного содержания подпункта 2 пункта 1 статьи 6, пункта 2.2 статьи 22 и пункта 1 статьи 28 Федерального закона «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации», подпункта 2 пункта 1 статьи 419 Налогового кодекса Российской Федерации, части четвертой статьи 7 Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их семей», частей 2 и 3 статьи 8, части 18 статьи 15 Федерального закона «О страховых пенсиях» применительно к объему, а также условиям формирования и реализации в системе обязательного пенсионного страхования пенсионных прав адвокатов из числа военных пенсионеров в соответствии с правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации, выраженными в данном Постановлении.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30.01.2020 № 6-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Э.Р. Юровских»

Содержание жалобы

Часть третья статьи 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации является предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу в той мере, в какой она служит основанием для решения вопроса об определении продолжительности разумного срока уголовного судопроизводства в части установления момента начала его исчисления для лица, признанного потерпевшим по уголовному делу в порядке,

предусмотренном уголовно-процессуальным законом, в случаях, когда уголовное дело прекращено в связи со смертью подозреваемого.

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации признал часть третью статьи 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации не соответствующей Конституции Российской Федерации, в той мере, в какой она позволяет при определении разумного срока уголовного судопроизводства для лица, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред (признанного в установленном уголовно-процессуальным законом порядке потерпевшим), не учитывать период со дня подачи им заявления о преступлении и до момента возбуждения уголовного дела об этом преступлении в случаях, когда производство по данному уголовному делу прекращено в связи со смертью подозреваемого.

Комментарий

Федеральному законодателю надлежит внести в правовое регулирование судебной защиты права граждан на судопроизводство в разумный срок изменения, направленные на уточнение порядка определения для потерпевших от преступлений момента начала исчисления разумного срока уголовного судопроизводства.

Впредь до внесения в правовое регулирование надлежащих изменений, вытекающих из данного Постановления, при определении разумного срока уголовного судопроизводства для лица, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред (признанного в установленном уголовно-процессуальным законом порядке потерпевшим), если производство по уголовному делу прекращено в связи со смертью подозреваемого, следует руководствоваться положениями части третьей.3 статьи 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 04.02.2020 № 7-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 примечаний к статье 18.15 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, части второй статьи 67 Трудового кодекса Российской Федерации и абзаца первого пункта 8 статьи 13 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки А.А. Викторовой»

Содержание жалобы

Предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по данному делу являются находящиеся в нормативной связи часть вторая статьи

67 Трудового кодекса Российской Федерации и абзац первый пункта 8 статьи 13 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» в той мере, в какой они:

служат основанием для решения вопроса об обязанности работодателя, привлекающего и использующего для осуществления трудовой деятельности иностранного гражданина, уведомить территориальный орган федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел в субъекте Российской Федерации, на территории которого данный иностранный гражданин осуществляет трудовую деятельность, о поручении ему работы, не предусмотренной заключенным с ним трудовым договором и отличной от указанной в направленном в соответствующий орган уведомлении о заключении трудового договора, а также об изменении определенного в трудовом договоре адреса, по которому осуществляется трудовая деятельность;

позволяют привлекать названного работодателя к административной ответственности за неуведомление территориального органа федерального органа исполнительной власти, осуществляющего федеральный государственный контроль (надзор) в сфере миграции, о поручении иностранному гражданину работы, не предусмотренной заключенным с ним трудовым договором и отличной от указанной в направленном в соответствующий орган уведомлении о заключении трудового договора, а также об изменении определенного в трудовом договоре адреса, по которому осуществляется трудовая деятельность.

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации признал взаимосвязанные часть вторую статьи 67 Трудового кодекса Российской Федерации и абзац первый пункта 8 статьи 13 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования они не предполагают:

возложения на работодателя, привлекающего и использующего для осуществления трудовой деятельности иностранного гражданина, обязанности по уведомлению территориального органа федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел в субъекте Российской Федерации, на территории которого данный иностранный гражданин осуществляет трудовую деятельность, о поручении такому иностранному гражданину работы, не предусмотренной заключенным с ним трудовым договором и отличной от указанной в направленном в соответствующий орган уведомлении о его заключении, а также об изменении определенного в трудовом договоре адреса, по которому осуществляется трудовая деятельность;

привлечения названного работодателя к административной ответственности за неуведомление территориального органа федерального органа исполнительной власти, осуществляющего федеральный государственный контроль (надзор) в сфере миграции, о поручении иностранному гражданину работы, не предусмотренной заключенным с ним трудовым договором и отличной от

указанной в направленном в соответствующий орган уведомлении о его заключении, а также об изменении определенного в трудовом договоре адреса, по которому осуществляется трудовая деятельность.

Комментарий

Часть вторая статьи 67 Трудового кодекса Российской Федерации и абзац первый пункта 8 статьи 13 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» - в их нормативной взаимосвязи и в системной связи с положениями трудового законодательства, определяющими порядок заключения и изменения трудового договора, - не могут быть истолкованы как предполагающие возложение на работодателя, привлекающего и использующего для осуществления трудовой деятельности иностранного гражданина, обязанности по уведомлению территориального органа федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел в субъекте Российской Федерации, на территории которого данный иностранный гражданин осуществляет трудовую деятельность, о каждом факте поручения такому иностранному гражданину работы, не предусмотренной заключенным с ним трудовым договором и отличной от указанной в направленном в соответствующий орган уведомлении о его заключении, а также об изменении определенного в трудовом договоре адреса, по которому осуществляется трудовая деятельность, поскольку это предполагает лишь изменение условий заключенного с иностранным гражданином трудового договора.

Соответственно, бездействие работодателя, который привлек иностранного гражданина для осуществления трудовой деятельности на основании трудового договора, однако впоследствии не уведомил территориальный орган федерального органа исполнительной власти, осуществляющего федеральный государственный контроль (надзор) в сфере миграции, о поручении такому иностранному гражданину работы, не предусмотренной заключенным с ним трудовым договором и отличной от указанной в направленном в соответствующий орган уведомлении о его заключении, а также об изменении определенного в трудовом договоре адреса, по которому осуществляется трудовая деятельность, не может быть квалифицировано в качестве административного правонарушения, ответственность за которое предусмотрена частью 3 статьи 18.15 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Иное означало бы расширительное толкование как обязанности работодателя, установленной законом в целях контроля за использованием иностранной рабочей силы, так и объективной стороны состава административного правонарушения, являющегося основанием для привлечения работодателя к административной ответственности, по сравнению с тем, как она предусмотрена законом, и тем самым фактически приводило бы к возложению на работодателя, привлекающего и использующего для осуществления трудовой деятельности иностранного гражданина, административной ответственности за деяние, которое прямо не запрещено законом, что не согласовывалось бы с предписаниями статьи 54 (часть 2) Конституции Российской Федерации,

исключающей возможность наступления юридической ответственности за деяние, не признаваемое на момент его совершения в качестве правонарушения.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13.02.2020 № 8-П «По делу о проверке конституционности пунктов 1 и 2 статьи 5 Федерального закона «О муниципальной службе в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки Н.Г. Малышевой»

Содержание жалобы

Предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по данному делу является пункт 2 статьи 5 Федерального закона «О муниципальной службе в Российской Федерации» в той мере, в какой он в системной связи с иными положениями этого Федерального закона служит основанием для решения вопроса о расторжении трудового договора за несоблюдение предусмотренных законом ограничений и запретов, связанных с муниципальной службой, с муниципальным служащим, не указавшим при поступлении на муниципальную службу в анкете установленной формы сведения о судимости.

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации признал пункт 2 статьи 5 Федерального закона «О муниципальной службе в Российской Федерации» не противоречащим Конституции Российской Федерации в той мере, в какой содержащийся в нем принцип единства ограничений и обязательств при прохождении муниципальной службы и государственной гражданской службы по своему конституционно-правовому смыслу в системной связи с иными положениями этого Федерального закона не предполагает расторжения трудового договора за несоблюдение предусмотренных законом ограничений и запретов, связанных с муниципальной службой, с муниципальным служащим, не указавшим при поступлении на муниципальную службу в анкете установленной формы сведения о судимости.

Комментарий

Истолкование закрепленного пунктом 2 статьи 5 Федерального закона «О муниципальной службе в Российской Федерации» принципа единства ограничений и обязательств при прохождении муниципальной службы и государственной гражданской службы как предполагающего распространение на муниципальных служащих всех ограничений и обязательств, предусмотренных федеральным законом для государственных гражданских служащих, и тем самым - в системной связи с иными положениями данного Федерального закона - допускающего расторжение трудового договора за несоблюдение предусмотренных законом ограничений и запретов, связанных с муниципальной

службой, с муниципальным служащим, не указавшим при поступлении на муниципальную службу в анкете установленной формы сведения о судимости, не только расходилось бы с конституционными положениями о приоритете прав и свобод человека и гражданина, а также о соблюдении Конституции Российской Федерации и законов, но и приводило бы к выходящему за рамки конституционно допустимых ограничений прав и свобод ущемлению конституционного права на свободное распоряжение своими способностями к труду, выбор рода деятельности и профессии.

Кроме того, такого рода истолкование фактически означало бы допустимость применения в отношении муниципального служащего неблагоприятных правовых последствий при отсутствии нарушения прямых правовых предписаний с его стороны и тем самым вступало бы в противоречие с Конституцией Российской Федерации.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25.02.2020 № 9-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.Н. Таратухина»

Содержание жалобы

Пункт 1 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации является предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации постольку, поскольку данной нормой обусловлено решение судом общей юрисдикции вопроса о пересмотре принятого по административному делу судебного акта в связи с таким новым обстоятельством, как признание положенного в его основу нормативного правового акта недействующим с момента вступления в законную силу решения об этом, вынесенного судом по административному иску лица, участвовавшего в данном административном деле.

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации признал пункт 1 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации не противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку он не препятствует пересмотру по новым обстоятельствам вступившего в законную силу судебного акта суда общей юрисдикции по заявлению лица, в связи с административным иском которого положенный в основу этого судебного акта нормативный правовой акт признан недействующим судом, вне зависимости от того, с какого момента данный нормативный правовой акт признан недействующим.

Комментарий

В Постановлении от 11.01.2019 № 2-П Конституционный Суд Российской Федерации, имея в виду однородный характер регулируемых Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации и Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации правоотношений и опираясь на свою правовую позицию, высказанную в Постановлении от 17.10.2017 № 24-П, отметил, что гражданское судопроизводство, посредством которого осуществляют судебную власть суды общей юрисдикции и арбитражные суды, в главных своих началах и чертах должно быть единообразным.

С учетом этого, указал он, сделанный им вывод в отношении пункта 1 части 3 статьи 311 Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации и сохраняющие силу правовые позиции, положенные в основание данного вывода, в полной мере применимы и к регулированию, установленному пунктом 1 части четвертой статьи 392 Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации.

Оспариваемый заявителем по настоящему делу пункт 1 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации регулирует тот же, по сути, круг правоотношений, что и названные нормы гражданского и арбитражного процессуального законодательства. Кроме того, вплоть до 15 сентября 2015 года производство по делам об оспаривании решений и действий (бездействия) органов публичной власти, а значит, и пересмотр вынесенных в таких делах судебных актов по вновь открывшимся или новым обстоятельствам регламентировались именно Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации, его главой 25 (федеральные законы от 08.03.2015 № 22-ФЗ «О введении в действие Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» и от 08.03.2015 № 23-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации»).

Следовательно, правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенные им в указанных постановлениях и сохраняющие свою силу, в равной мере подлежат учету при применении судами общей юрисдикции рассматриваемого в настоящем деле законоположения. В противном случае создавались бы предпосылки для отступления от принципа правового равенства (статья 19 Конституции Российской Федерации), поскольку право лица на пересмотр несправедливого судебного акта в связи с признанием недействующим нормативного правового акта, на котором он был основан, ограничивалось бы в зависимости лишь от того, было ли дело с участием этого лица разрешено по правилам гражданского (арбитражного) или административного судопроизводства.

Признание пункта 1 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации не противоречащим Конституции Российской Федерации в его конституционно-правовом смысле, выявленном в данном Постановлении, означает необходимость пересмотра дела

А.Н. Таратухина, при разрешении которого допущено применение этой нормы в ее правонарушающем аспекте.

Это, однако, само по себе не предопределяет удовлетворения правовых притязаний заявителя, поскольку суд не лишен возможности при таком пересмотре учесть все значимые обстоятельства, в том числе и то, повлияло ли признание недействующим нормативного правового акта в связи с нарушением требований о его государственной регистрации и официальном опубликовании на результат рассмотрения спора по существу.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27.02.2020 № 10-П «По делу о проверке конституционности статьи 324 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Н.М. Деменьшиной»

Содержание жалобы

Статья 324 Уголовного кодекса Российской Федерации является предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по данному делу постольку, поскольку на ее основании разрешается вопрос о возложении уголовной ответственности за незаконный сбыт государственных наград СССР на лиц, у которых они хранятся (которым они переданы) после смерти награжденного.

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации признал статью 324 Уголовного кодекса Российской Федерации не противоречащей Конституции Российской Федерации, поскольку содержащееся в ней положение предполагает:

возможность возложения уголовной ответственности за незаконный сбыт государственных наград СССР на лиц, у которых они хранятся (которым они переданы) после смерти награжденного, в силу общности правового режима государственных наград Российской Федерации и государственных наград СССР, установленного федеральными законами и нормативными правовыми актами Президента Российской Федерации, которыми на государственные награды СССР распространено законодательство о государственных наградах Российской Федерации, ограничивающее их свободный оборот;

необходимость в правоприменительной практике устанавливать как формальную уголовную противоправность предусмотренного этой статьей деяния, так и реальную степень его общественной опасности, определяемую с учетом исследования всей совокупности фактических обстоятельств конкретного дела, в том числе свидетельствующих о наличии либо отсутствии оснований для освобождения лица от уголовной ответственности или от наказания либо для признания совершенного деяния малозначительным.

Комментарий

Реализация положений статьи 324 Уголовного кодекса Российской Федерации предполагает их применение с учетом норм Общей части Уголовного кодекса Российской Федерации, на основе объективной и всесторонней оценки судом установленных по делу обстоятельств содеянного, личности правонарушителя, степени его вины в совершении инкриминируемого деяния и иных имеющих значение для правильного разрешения конкретного дела фактов, в том числе уменьшающих общественную опасность преступления до такого уровня, который позволяет освободить лицо - принимая во внимание, в частности, его поведение, наличие смягчающих и отсутствиеотягчающих обстоятельств - от уголовной ответственности или от наказания либо признать это деяние малозначительным.

Этим не исключается внесение федеральным законодателем, в пределах доступного ему усмотрения, изменений в правовое регулирование, направленных на дальнейшую дифференциацию публично-правовой ответственности за правонарушения в наградной сфере, с учетом того что уголовное законодательство, как подчеркивал Конституционный Суд Российской Федерации, является по своей природе крайним (исключительным) средством, с помощью которого государство реагирует на противоправное поведение, если охрана соответствующих общественных отношений не может быть обеспечена должным образом с помощью правовых норм иной отраслевой принадлежности, а уголовная ответственность может считаться законно установленной лишь при условии, что она соразмерна характеру и степени общественной опасности криминализируемого деяния.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 05.03.2020 № 11-П «По делу о проверке конституционности подпунктов 4 и 5 пункта 1 и пункта 5 статьи 57 Земельного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И.С. Бутримовой»

Содержание жалобы

Предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по данному делу являются подпункты 4 и 5 пункта 1 и пункт 5 статьи 57 Земельного кодекса Российской Федерации в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования на их основании решается вопрос о возмещении убытков в случае ограничения прав собственника земельного участка правомерными действиями органа государственной власти или органа местного самоуправления в связи с установлением зоны охраны объекта культурного наследия.

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации признал подпункты 4 и 5 пункта 1 статьи 57 Земельного кодекса Российской Федерации не соответствующими Конституции Российской Федерации, в той мере, в какой содержащиеся в них положения о возмещении убытков в случае ограничения прав собственника земельного участка правомерными действиями органа государственной власти или органа местного самоуправления в связи с установлением зоны охраны объекта культурного наследия в силу своей неопределенности не позволяют однозначно определить условия такого возмещения.

Комментарий

Для приведения правового регулирования, касающегося условий возмещения убытков, причиненных правомерными действиями органа государственной власти или органа местного самоуправления по ограничению прав правообладателей земельного участка, в соответствие с критерием определенности правовых норм федеральному законодателю надлежит внести в действующее законодательство необходимые изменения.

При этом федеральный законодатель не лишен возможности на основе объективного и разумного оправдания различий в правах предусмотреть для особых случаев возмещения убытков, причиненных правомерными действиями органов государственной власти или органов местного самоуправления, особенности порядка определения состава и размера таких убытков.

Впредь до внесения в законодательство необходимых изменений, вытекающих из данного Постановления, основанием для возмещения убытков, причиненных собственникам земельных участков ограничением их прав на землю органом государственной власти или органом местного самоуправления по причине правомерного установления или изменения зоны охраны объекта культурного наследия, является само наличие убытков, вызванных правомерными действиями этого органа.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24.03.2020 № 12-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 19, пункта 7 части 1 статьи 20, пункта 7 статьи 21 и части 4 статьи 240 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, а также пункта 7 части 4 статьи 2 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации» в связи с жалобами граждан А.А. Брюхановой и Е.Л. Русаковой»

Содержание жалобы

Предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по данному делу являются:

статья 19, пункт 7 части 1 статьи 20, пункт 7 статьи 21 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункт 7 части 4 статьи 2 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации» в той мере, в какой на основе данных положений разрешается вопрос о подсудности административного дела об оспаривании решения вышестоящей избирательной комиссии, которым оставлено в силе решение окружной избирательной комиссии по выборам в законодательный (представительный) орган государственной власти субъекта Российской Федерации об отказе в регистрации кандидата в депутаты;

часть 4 статьи 240 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования она служит основанием для отказа в рассмотрении (в удовлетворении) судом административного искового заявления, касающегося решения избирательной комиссии об отказе в регистрации кандидата, в связи с пропуском заявителем (кандидатом) десятидневного срока обращения в суд в случае предварительного обжалования таким лицом решения об отказе в регистрации в вышестоящую избирательную комиссию в установленный законом срок.

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации признал взаимосвязанные положения статьи 19, пункта 7 части 1 статьи 20, пункта 7 статьи 21 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 7 части 4 статьи 2 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации» не противоречащими Конституции Российской Федерации в части определения ими подсудности административных дел об оспаривании решений вышестоящих избирательных комиссий, которыми оставлено в силе решение окружной избирательной комиссии по выборам в законодательный (представительный) орган государственной власти субъекта Российской Федерации об отказе в регистрации кандидата в депутаты.

Конституционный Суд Российской Федерации признал часть 4 статьи 240 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации не соответствующей Конституции Российской Федерации, в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования она предусматривает отказ в рассмотрении (в удовлетворении) судом административного искового заявления, касающегося решения избирательной комиссии об отказе в регистрации кандидата, в связи с пропуском заявителем (кандидатом) десятидневного срока обращения в суд, установленного данным Кодексом, в случае предварительного обжалования таким заявителем (кандидатом) решения об отказе в регистрации в вышестоящую избирательную комиссию.

Комментарий

Федеральному законодателю надлежит внести в действующее правовое регулирование необходимые изменения, направленные на обеспечение

эффективного судебного оспаривания решения избирательной комиссии об отказе в регистрации кандидата, либо посредством разумного согласования с возможностью обжалования такого решения в вышестоящую избирательную комиссию, либо путем введения по аналогии с решением избирательной комиссии о регистрации кандидата правила о его отмене только судом.

Впредь до внесения в правовое регулирование надлежащих изменений, вытекающих из данного Постановления, административное исковое заявление, касающееся решения избирательной комиссии об отказе в регистрации кандидата, после истечения закрепленного частью 4 статьи 240 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации срока может быть подано в суд заявителем (кандидатом) в случае предварительного обжалования такого решения в установленном законом порядке в вышестоящую избирательную комиссию в предусмотренный пунктом 2 статьи 78 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» пятидневный срок со дня принятия вышестоящей избирательной комиссией решения об оставлении жалобы без удовлетворения.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26.03.2020 № 13-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 части 2 статьи 30 Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Е.С. Горяева»

Содержание жалобы

Пункт 3 части 2 статьи 30 Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации» является предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по данному делу в той мере, в какой он допускает увольнение со службы сотрудника Следственного комитета Российской Федерации в случае нарушения им Присяги и (или) совершения проступка, порочащего честь сотрудника Следственного комитета Российской Федерации, без учета предусмотренных частью 8 статьи 28 данного Федерального закона сроков применения дисциплинарного взыскания.

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации признал пункт 3 части 2 статьи 30 Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации» не противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку он по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования не предполагает увольнения сотрудника Следственного комитета Российской Федерации, нарушившего Присягу сотрудника Следственного комитета Российской Федерации, без соблюдения предусмотренных частью 8 статьи 28 данного Федерального закона сроков наложения дисциплинарного взыскания.

Комментарий

Сотруднику Следственного комитета Российской Федерации, в отношении которого проводится служебная проверка, предоставлено право знать о назначении и об основаниях проведения служебной проверки; давать письменные или устные объяснения (представлять заявления) с изложением своего мнения либо отказаться от дачи объяснений; представлять документы и материалы по вопросам, относящимся к предмету проверки, требовать их приобщения к материалам служебной проверки; представлять заявления и ходатайства по предмету проверки, а также заявлять руководителю, назначившему служебную проверку, мотивированные отводы лицам, которым поручено проведение служебной проверки; обжаловать их действия (бездействие) и решения, а также решения руководителя, ее назначившего, и результаты служебной проверки вышестоящему руководителю либо в суд; по окончании служебной проверки с письменного разрешения руководителя, назначившего служебную проверку, знакомиться с заключением и другими материалами в части, его касающейся (пункт 15 Инструкции о проведении служебных проверок в Следственном комитете Российской Федерации).

Таким образом обеспечивается дополнительная защита интересов сотрудника Следственного комитета Российской Федерации и соблюдение гарантий справедливости и всесторонности проводимого в рамках служебной проверки разбирательства.

Ключевым элементом процедуры привлечения к юридической ответственности является соблюдение разумных сроков, направленных в случае дисциплинарной ответственности в том числе на защиту от произвольного увольнения и обеспечение определенности правового положения нарушителя.

Федеральным законом «О Следственном комитете Российской Федерации» гарантируется, что дисциплинарное взыскание применяется непосредственно после обнаружения проступка, но не позднее одного месяца со дня его обнаружения, не считая времени болезни сотрудника Следственного комитета Российской Федерации или пребывания его в отпуске, при этом оно не может быть применено позднее шести месяцев со дня совершения проступка, а по результатам ревизии или проверки финансово-хозяйственной деятельности - позднее двух лет со дня совершения проступка (части 6 и 8 статьи 28).

Соблюдение установленных сроков, вследствие того что нарушение Присяги сотрудника Следственного комитета Российской Федерации по своей правовой природе не отличается от дисциплинарного проступка, а увольнение по пункту 3 части 2 статьи 30 Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации» представляет собой правовое последствие такого нарушения, необходимо и при увольнении в связи с нарушением Присяги. Иначе сотрудники Следственного комитета Российской Федерации без каких бы то ни было оснований лишались бы тех гарантий, которые предусмотрены Федеральным законом «О Следственном комитете Российской Федерации» для совершивших дисциплинарный проступок.

Следовательно, оспариваемый Е.С. Горяевым пункт 3 части 2 статьи 30 Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации» не предполагает увольнения сотрудника Следственного комитета Российской Федерации, нарушившего Присягу сотрудника Следственного комитета Российской Федерации, без соблюдения предусмотренных частью 8 статьи 28 данного Федерального закона сроков наложения дисциплинарного взыскания.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 06.04.2020 № 14-П «По делу о проверке конституционности пункта 1.1 части 1 статьи 37 и пункта 2 части 1 статьи 59.2 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации», а также пункта 2 части 1 статьи 13.1 Федерального закона «О противодействии коррупции» в связи с жалобой гражданина И.Н. Котяша»

Содержание жалобы

Предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по данному делу являются положения пункта 1.1 части 1 статьи 37 и пункта 2 части 1 статьи 59.2 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» в той мере, в какой они служат основанием для решения вопроса об увольнении государственного гражданского служащего в связи с утратой доверия к нему представителем нанимателя по причине непредставления государственным гражданским служащим при поступлении на государственную гражданскую службу сведений о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера супруги (супруга) и несовершеннолетних детей.

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации признал взаимосвязанные положения пункта 1.1 части 1 статьи 37 и пункта 2 части 1 статьи 59.2 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку они выступают элементами правового механизма применения к государственному гражданскому служащему меры ответственности за совершение им в период государственной гражданской службы такого коррупционного правонарушения, как непредставление сведений о своих доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера супруги (супруга) и несовершеннолетних детей либо представление заведомо недостоверных или неполных сведений, и не предполагают увольнения государственного гражданского служащего в связи с утратой доверия к нему представителем нанимателя, если этот государственный гражданский служащий

не представил необходимых сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера при поступлении на государственную гражданскую службу, однако вопреки требованию закона был назначен на должность государственной гражданской службы.

Комментарий

Оспариваемые заявителем положения пункта 1.1 части 1 статьи 37 и пункта 2 части 1 статьи 59.2 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» выступают элементами правового механизма применения к государственному гражданскому служащему меры ответственности за совершение им в период прохождения государственной гражданской службы такого коррупционного правонарушения, как непредставление сведений о своих доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера супруги (супруга) и несовершеннолетних детей либо представление заведомо недостоверных или неполных сведений, а потому не предполагают увольнения государственного гражданского служащего, который, хотя и не представил при поступлении на государственную гражданскую службу необходимых сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, на тот момент еще не имел соответствующего публично-правового статуса, но впоследствии был назначен на должность государственной гражданской службы вопреки требованию закона.

Иное означало бы допустимость применения в отношении государственного гражданского служащего меры ответственности в виде увольнения с государственной гражданской службы в связи с утратой доверия, т.е. по порочащему его основанию, при отсутствии в его действиях (бездействии) состава коррупционного правонарушения и тем самым не только вступало бы в противоречие со статьей 54 Конституции Российской Федерации, но и приводило бы к выходящему за рамки конституционно допустимых ограничений прав и свобод ущемлению прав на равный доступ к государственной службе и на свободное распоряжение своими способностями к труду, выбор рода деятельности и профессии.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 07.04.2020 № 15-П «По делу о проверке конституционности частей 3.2 и 3.3 статьи 4.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой акционерного общества «РСК»

Содержание жалобы

Части 3.2 и 3.3 статьи 4.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях являются предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по данному делу постольку,

поскольку они служат правовым основанием для решения вопроса о возможности назначения юридическому лицу за совершение административного правонарушения, предусмотренного законом субъекта Российской Федерации, административного штрафа в размере менее предусмотренного минимального размера административного штрафа, когда он составляет сто тысяч рублей или более.

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации признал части 3.2 и 3.3 статьи 4.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях не соответствующими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они исключают возможность назначения юридическому лицу административного штрафа в размере менее минимального размера административного штрафа, установленного законом субъекта Российской Федерации за совершение конкретного административного правонарушения.

Комментарий

Буквальное толкование оспариваемых заявителем норм допускает назначение юридическому лицу наказания в виде административного штрафа в размере менее минимального размера административного штрафа только в случае, если он предусмотрен соответствующей статьей или частью статьи раздела II Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Указанное толкование исключает применение оспариваемых заявителем положений при назначении юридическим лицам наказания в виде административного штрафа в соответствии с законами субъектов Российской Федерации об административной ответственности, расходится со смыслом положений статей 1.4 и 3.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и влечет на практике не имеющую объективного и разумного оправдания дифференциацию прав и обязанностей лиц, относящихся к одной и той же категории субъектов административной ответственности за административные правонарушения.

Такая дифференциация порождает - в нарушение конституционных принципов равенства и справедливости, охватывающих своим воздействием законодательное регулирование как прав и свобод, закрепленных непосредственно в Конституции Российской Федерации, так и прав, приобретаемых на основании закона, - предпосылки для дискриминационного правоприменения.

При этом установление исключительных обстоятельств, связанных с характером совершенного административного правонарушения и его последствиями, имущественным и финансовым положением привлекаемого к административной ответственности юридического лица, и назначение наказания в виде административного штрафа в размере менее минимального размера административного штрафа, предусмотренного за соответствующее деяние, во всяком случае остается прерогативой судьи, органа, должностного лица,

рассматривающего дела об административных правонарушениях либо жалобы, протесты на постановления и (или) решения по делам об административных правонарушениях, т.е. возможность назначения административного штрафа с использованием оспариваемых норм не предопределяет обязанность следования соответствующего органа или должностного лица доводам лица, привлекаемого к административной ответственности, о наличии в его деле оснований для указанного снижения размера штрафа.

Федеральному законодателю надлежит внести в действующее правовое регулирование изменения, вытекающие из данного Постановления.

Впредь до внесения в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях надлежащих изменений части 3.2 и 3.3 статьи 4.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях подлежат применению в устанавливаемых ими случаях при назначении юридическим лицам административных штрафов за административные правонарушения, предусмотренные законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 09.04.2020 № 16-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 части 3 статьи 104 Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» в связи с жалобой гражданина В.В. Сонины»

Содержание жалобы

Пункт 2 части 3 статьи 104 Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» является предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по данному делу в той мере, в какой он служит основанием для решения вопроса о возможности включения в реестр недобросовестных поставщиков информации об учредителях юридического лица (акционерного общества) - физических лицах, которые не являются его участниками (акционерами) к моменту заключения и исполнения этим юридическим лицом контракта в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, лишая тем самым таких учредителей права на защиту своих законных интересов, в том числе деловой репутации.

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации признал пункт 2 части 3 статьи 104 Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» не соответствующим Конституции Российской Федерации, в той мере, в какой он

позволяет включать в реестр недобросовестных поставщиков информацию о физических лицах - учредителях юридического лица (акционерного общества), которые не являются его участниками (акционерами) к моменту заключения и исполнения этим юридическим лицом контракта в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд.

Комментарий

Указание в Федеральном законе «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» на необходимость включения в реестр недобросовестных поставщиков информации об учредителях юридического лица, в частности в случае одностороннего отказа заказчика от исполнения контракта в связи с существенным нарушением его условий другой стороной контракта, и практика его применения в соответствии с буквальным смыслом оспариваемой нормы, т.е. без учета корпоративных прав учредителей акционерного общества, а значит, и их возможностей через свое корпоративное участие в той или иной степени влиять на деятельность акционерного общества в спорный период, не обеспечивают надлежащей защиты прав и законных интересов физических лиц - учредителей акционерного общества, которые не являются его участниками (акционерами) к моменту заключения и исполнения этим юридическим лицом контракта в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд.

Таким образом, пункт 2 части 3 статьи 104 Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» в части, допускающей включение в реестр недобросовестных поставщиков информации об учредителях юридического лица (акционерного общества) - физических лицах, которые не являются его участниками (акционерами) к моменту заключения и исполнения этим юридическим лицом контракта в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, не соответствует Конституции Российской Федерации.

Федеральному законодателю надлежит внести в действующее правовое регулирование надлежащие изменения, вытекающие из данного Постановления.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14.04.2020 № 17-П «По делу о проверке конституционности части 2 статьи 2.1, части 1 статьи 2.2, части 3 статьи 11.15.1 и пункта 5 части 1 статьи 29.10 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, статьи 12.2 Федерального закона «О транспортной безопасности», подпунктов 36, 37, 39, 45 пункта 5 и подпунктов 1, 2, 8 пункта 7 требований по обеспечению транспортной безопасности, в том числе требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий), учитывающих уровни безопасности для различных категорий объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств морского и речного транспорта, в связи с жалобой Акционерного общества «Пассажирский Порт Санкт-Петербург «Морской фасад»

Содержание жалобы

Предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по данному делу являются часть 2 статьи 2.1, часть 1 статьи 2.2 и часть 3 статьи 11.15.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в той мере, в какой на их основании в системе действующего правового регулирования решается вопрос об административной ответственности юридического лица за неисполнение требований по обеспечению транспортной безопасности, совершенное умышленно.

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации признал часть 2 статьи 2.1, часть 1 статьи 2.2 и часть 3 статьи 11.15.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку они предполагают, что:

юридическое лицо лишь тогда подлежит привлечению к административной ответственности за неисполнение требований по обеспечению транспортной безопасности, совершенное умышленно, когда установлен умышленный характер действий (бездействия) должностных лиц (работников) юридического лица, ответственных за исполнение требований по обеспечению транспортной безопасности, и этот вывод надлежащим образом мотивирован в постановлении по делу об административном правонарушении;

в иных же случаях, когда умышленный характер действий (бездействия) должностных лиц (работников) юридического лица, ответственных за исполнение требований по обеспечению транспортной безопасности, из обстоятельств дела не усматривается и при этом имелась возможность для соблюдения соответствующих требований, но юридическим лицом не были приняты все зависящие от него меры по их соблюдению, административная ответственность юридического лица может наступать только за неисполнение требований по обеспечению транспортной безопасности, совершенное по неосторожности.

Комментарий

Когда умышленный характер действий (бездействия) должностных лиц (работников) юридического лица, ответственных за исполнение требований по обеспечению транспортной безопасности, из обстоятельств дела не усматривается, но при этом имелась возможность для соблюдения соответствующих требований, а юридическим лицом не были приняты все зависящие от него меры по их соблюдению (т.е. фактически транспортная безопасность оказалась не защищенной в полной мере от возможных угроз) - административная ответственность юридического лица может наступать только за неисполнение требований по обеспечению транспортной безопасности, совершенное по неосторожности.

Это не может расцениваться как нарушение принципа равенства, поскольку, по сути, такое регулирование основано на необходимости индивидуализации ответственности (как конкретизации данного принципа) и не содержит неопределенности, имея в виду, что необходимая степень определенности регулирования, как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, может быть достигнута путем выявления более сложных взаимосвязей правовых предписаний.

Сказанное не исключает возможности дальнейшего совершенствования законодателем правового регулирования административной ответственности юридических лиц - как с точки зрения общих положений Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, так и применительно к сфере транспортной безопасности - и, в частности, не препятствует законодателю отказаться от использования формы вины в качестве критерия для выделения административного правонарушения в самостоятельный состав применительно к случаю, когда его субъектом признается юридическое лицо, в пользу иных критериев, отвечающих требованиям определенности и справедливости, притом что задача дифференциации административной ответственности может быть решена в пределах санкции основного состава административного правонарушения правоприменителем при разрешении конкретного дела в соответствии с правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации о соразмерности административной ответственности.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15.04.2020 № 18-П «По делу о проверке конституционности абзаца второго пункта 1 статьи 335 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.В. Тюрина»

Содержание жалобы

Предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по данному делу является абзац второй пункта 1 статьи 335 Гражданского кодекса Российской Федерации в той мере, в какой на его основании решается вопрос о

применении к отношениям с участием залогодателя, не являющегося должником по основному обязательству, правила пункта 6 статьи 367 данного Кодекса о том, что поручительство, срок которого не установлен, прекращается, если кредитор в течение года со дня наступления срока исполнения обеспеченного поручительством обязательства не предъявит иск к поручителю.

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации признал абзац второй пункта 1 статьи 335 Гражданского кодекса Российской Федерации не противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку он предполагает, что залог, срок действия которого не определен соглашением сторон, прекращается по основанию, предусмотренному пунктом 6 статьи 367 данного Кодекса, т.е. при условии, что кредитор в течение года со дня наступления срока исполнения обеспеченного залогом обязательства не предъявит требование об обращении взыскания на предмет залога.

Комментарий

Абзац второй пункта 1 статьи 335 Гражданского кодекса Российской Федерации по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования предполагает, что залог, срок действия которого не определен соглашением сторон, прекращается по основанию, предусмотренному пунктом 6 статьи 367 данного Кодекса (пунктом 4 в редакции, действовавшей до внесения в эту статью изменений Федеральным законом от 08.03.2015 № 42-ФЗ), т.е. при условии, что кредитор в течение года со дня наступления срока исполнения обеспеченного залогом обязательства не предъявит требование об обращении взыскания на предмет залога. Тем самым обеспечивается соблюдение принципов правовой определенности и поддержания доверия граждан к закону.

При применении положений статьи 335 Гражданского кодекса Российской Федерации в их конституционно-правовом смысле, выявленном Конституционным Судом Российской Федерации в данном Постановлении, суд должен установить и оценить все имеющие значение для разрешения дела обстоятельства, в том числе наличие - с учетом содержания договора об ипотеке - условий для применения к отношениям с участием заявителя пункта 6 статьи 367 данного Кодекса.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21.04.2020 № 19-П «По делу о проверке конституционности статьи 98.1 Лесного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой Общества с ограниченной ответственности «Горизонт»

Содержание жалобы

Статья 98.1 Лесного кодекса Российской Федерации является предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по данному делу в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования ею обусловлено решение вопроса о включении информации об индивидуальных предпринимателях и юридических лицах, с которыми договор аренды лесного участка расторгнут по основанию, установленному пунктом 3 части первой статьи 619 Гражданского кодекса Российской Федерации, в реестр недобросовестных арендаторов лесных участков и покупателей лесных насаждений.

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации признал статью 98.1 Лесного кодекса Российской Федерации не соответствующей Конституции Российской Федерации, в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования предусмотренное этой нормой включение информации об индивидуальных предпринимателях и юридических лицах, с которыми договор аренды лесного участка расторгнут по основанию, установленному пунктом 3 части первой статьи 619 Гражданского кодекса Российской Федерации, в реестр недобросовестных арендаторов лесных участков и покупателей лесных насаждений влечет бессрочное ограничение прав указанных субъектов в сфере хозяйственного лесопользования, в том числе права заключать договоры аренды лесных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности.

Комментарий

Федеральному законодателю надлежит не позднее 01.01.2021 внести в правовое регулирование необходимые изменения.

При этом он не лишен возможности в рамках предоставленной ему дискреции дифференцировать сроки нахождения в реестре недобросовестных арендаторов лесных участков и покупателей лесных насаждений информации о соответствующих индивидуальных предпринимателях и юридических лицах в зависимости от оснований ее включения в реестр, характера и последствий противоправных действий (бездействия), с которыми связано включение в него такой информации, а также предусмотреть иные условия ее исключения из реестра.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22.04.2020 № 20-П «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 17 Федерального закона «О страховых пенсиях» в связи с жалобой гражданки И.К. Дашковой»

Содержание жалобы

Часть 3 статьи 17 Федерального закона «О страховых пенсиях» является предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по данному делу в той мере, в какой она, действуя в нормативном единстве с иными положениями названного Федерального закона, служит основанием для решения вопроса о праве родителя инвалида с детства на сохранение после достижения этим инвалидом совершеннолетнего возраста и признания его судом недееспособным повышенной фиксированной выплаты к страховой пенсии по старости, установленной такому родителю, притом что он фактически продолжает осуществлять необходимые данному инвалиду с детства постоянный уход и помощь (надзор).

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации признал часть 3 статьи 17 Федерального закона «О страховых пенсиях» не соответствующей Конституции Российской Федерации, в той мере, в какой она в силу неопределенности нормативного содержания, порождающей на практике неоднозначное ее истолкование и, соответственно, возможность произвольного применения, допускает в системе действующего правового регулирования различный подход к решению вопроса о праве родителя инвалида с детства на сохранение после достижения этим инвалидом совершеннолетнего возраста и признания его судом недееспособным повышенной фиксированной выплаты к страховой пенсии по старости, установленной такому родителю, притом что он фактически продолжает осуществлять необходимые данному инвалиду с детства постоянный уход и помощь (надзор).

Федеральному законодателю надлежит в срок не позднее шести месяцев со дня вступления данного Постановления в силу принять меры по устранению неопределенности нормативного содержания части 3 статьи 17 Федерального закона «О страховых пенсиях» в части условий признания недееспособного инвалида с детства, нуждающегося в постоянном постороннем уходе и помощи (надзоре), находящимся на иждивении своего родителя при определении права такого родителя на повышение фиксированной выплаты к установленной ему страховой пенсии по старости.

Комментарий

В деле И.К. Дашковой, как следует из представленных документов, часть 3 статьи 17 Федерального закона «О страховых пенсиях» была истолкована судами как не предоставляющая родителю инвалида с детства, признанного судом недееспособным и нуждающегося в постоянном постороннем уходе и помощи

(надзоре), право на сохранение повышенной фиксированной выплаты к страховой пенсии по старости ввиду утраты этим инвалидом после достижения им совершеннолетнего возраста статуса иждивенца по отношению к своему родителю по причине одного лишь формального превышения размера дохода инвалида с детства над размером дохода его родителя и тем самым - как допускающая снижение размера пенсионного обеспечения такого родителя за счет уменьшения размера фиксированной выплаты к установленной ему страховой пенсии по старости, несмотря на то что этот родитель, фактически продолжая осуществлять уход за своим достигшим совершеннолетия ребенком-инвалидом - причем не только в порядке исполнения обязанности, возложенной на этого родителя Конституцией Российской Федерации (статья 38, часть 2) и семейным законодательством (пункт 1 статьи 63 и пункт 1 статьи 85 Семейного кодекса Российской Федерации), но и в силу биологической и социальной связи со своим ребенком-инвалидом, совместного проживания с ним и ведения общего хозяйства, - по-прежнему несет сопряженные с таким уходом значительные материальные затраты в целях поддержания жизнеобеспечения данного инвалида и удовлетворения его специфических нужд и потребностей, которые могут не покрываться за счет доходов самого инвалида и по этой причине фактически возлагаются на его родителя, в том числе в случаях, когда он сам является получателем пенсии.

Такое истолкование ставит заявительницу, являющуюся матерью признанного судом недееспособным и нуждающегося в постоянном постороннем уходе и помощи (надзоре) инвалида с детства I группы, в худшее положение по сравнению с иными гражданами - родителями инвалидов с детства, по делам которых судами были вынесены прямо противоположные решения, а именно об установлении этим родителям повышенной фиксированной выплаты к страховой пенсии по старости в связи с наличием на их иждивении инвалидов с детства.

Поскольку подобное истолкование привело к ограничению прав И.К. Дашковой, гарантированных Конституции Российской Федерации, устранение которого - учитывая факт завершения рассмотрения дела заявительницы судами общей юрисдикции - невозможно иначе чем в рамках конституционного судопроизводства, Конституционный Суд Российской Федерации, рассматривающий данное дело в порядке конкретного нормоконтроля, полагает необходимым установить, что правоприменительные решения, принятые по делу заявительницы на основании части 3 статьи 17 Федерального закона «О страховых пенсиях» в той мере, в какой она в силу неопределенности своего нормативного содержания признана не соответствующей Конституции Российской Федерации, подлежат пересмотру на основании данного Постановления.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28.04.2020 № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статей 15 и 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.Н. Музыки»

Содержание жалобы

Предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по данному делу являются взаимосвязанные положения статей 15 и 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования на их основании решается вопрос о взыскании с обвиняемого расходов потерпевшего на оплату услуг представителя (адвоката) по уголовному делу частного обвинения, прекращенному за отсутствием в его действиях состава преступления в связи с декриминализацией деяния.

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации признал взаимосвязанные положения статей 15 и 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации не соответствующими Конституции Российской Федерации, в той мере, в какой по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой в системе действующего правового регулирования, в том числе с учетом положений статей 131 и 132 Уголовно процессуального кодекса Российской Федерации, они не обеспечивают надлежащего уровня правовой определенности применительно к возмещению в разумных пределах необходимых расходов, понесенных потерпевшим (частным обвинителем) на оплату услуг представителя (адвоката) по уголовному делу частного обвинения, прекращенному за отсутствием состава преступления в связи с декриминализацией деяния.

Комментарий

При возложении в порядке гражданского судопроизводства на лицо, в отношении которого частное уголовное преследование прекращено в связи с декриминализацией деяния, обязанности возместить в полном объеме расходы частного обвинителя на представителя в уголовном деле, вопреки принципам справедливости и равенства, оно ставится в худшее положение по отношению к осужденному по делу частного обвинения, с которого такие же расходы взыскиваются в качестве процессуальных издержек лишь в разумных пределах.

При этом в случае прекращения уголовного дела в связи с декриминализацией деяния обвиняемый даже при своих возражениях против прекращения дела не может рассчитывать на постановление по его делу приговора суда, поскольку, как следует из взаимосвязанных положений статей 49 (часть 1) и 54 (часть 2) Конституции Российской Федерации, устранение новым уголовным законом преступности и наказуемости деяния означает как недопустимость постановления обвинительного приговора суда, устанавливающего вину лица, которому оно инкриминировалось, так и

отсутствие необходимости подтверждения его невиновности в совершении деяния и, соответственно, недопустимость дальнейшего уголовного преследования такого лица, доказывания в предусмотренном федеральным законом порядке его вины, а тем более - подтверждения судом его виновности в совершении деяния, утратившего преступность и наказуемость

Федеральному законодателю надлежит внести в действующее правовое регулирование необходимые изменения.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29.04.2020 № 22-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 193 и пункта 4 статьи 195 Налогового кодекса Российской Федерации, а также пункта 5 статьи 20 Федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» в связи с жалобой Общества с ограниченной ответственностью «Центр-Продукт»

Содержание жалобы

Предметом рассмотрения по данному делу являются находящиеся в системной связи пункт 1 статьи 193 и пункт 4 статьи 195 Налогового кодекса Российской Федерации, а также пункт 5 статьи 20 Федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции», на основании которых разрешается вопрос о юридической судьбе имеющихся у организации остатков этилового спирта в случае истечения срока действия лицензии на производство, хранение и поставки произведенного этилового спирта, а также о возникновении объекта обложения акцизом в случае обнаружения недостачи такой продукции и о выборе подлежащей применению в этом случае налоговой ставки акциза из числа установленных законом.

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации признал положения пункта 1 статьи 193 и пункта 4 статьи 195 Налогового кодекса Российской Федерации, а также пункта 5 статьи 20 Федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» не противоречащими Конституции Российской Федерации.

Комментарий

Оспариваемое положение статьи 193 Налогового кодекса Российской Федерации на момент возникновения спорных правоотношений (т.е. по состоянию на 2012 год) предусматривало возможность применения налогоплательщиком ставки акциза 0 процентов в следующих случаях: реализации спирта этилового из всех видов сырья организациям, осуществляющим производство спиртосодержащей парфюмерно-косметической продукции в металлической аэрозольной упаковке и (или) спиртосодержащей продукции бытовой химии в металлической аэрозольной упаковке, а также организациям, уплачивающим авансовый платеж акциза; передачи одним структурным подразделением организации, не являющимся самостоятельным налогоплательщиком, другому такому же структурному подразделению этой организации произведенного этилового спирта и (или) коньячного спирта для дальнейшего производства алкогольной и (или) подакцизной спиртосодержащей продукции; реализации (передачи производителями в структуре одной организации) спирта этилового для производства товаров, не признаваемых подакцизными.

Аналогичный по существу подход использован законодателем и в действующей системе правового регулирования взимания акциза с той, в частности, разницей, что ставка 0 процентов применяется при реализации спирта этилового не любым организациям для производства ими спиртосодержащей парфюмерно-косметической продукции в металлической аэрозольной упаковке и спиртосодержащей продукции бытовой химии в металлической аэрозольной упаковке, а тем из них, которым налоговым органом выдано свидетельство о регистрации организации, совершающей операции с этиловым спиртом. В иных случаях при возникновении объекта обложения акцизом в отношении операций с этиловым спиртом применяется налоговая ставка (отличная от нулевой), установленная в твердом размере.

С учетом приведенных законоположений именно на налогоплательщике лежит обязанность подтверждения права на применение нулевой ставки акциза. Это согласуется с подходом Конституционного Суда Российской Федерации, который применительно к иным схожим по своей природе случаям указывал, что обязанность представления налогоплательщиком в налоговые органы документов, подтверждающих обоснованность применения нулевой налоговой ставки или право на предоставление налогового вычета, - в частности, наличие требуемого правового статуса у контрагента налогоплательщика, - не может рассматриваться как противоречащая Конституции Российской Федерации.

Обнаружение же недостачи указанной продукции (в том числе при недоказанности факта ее уничтожения самим налогоплательщиком) свидетельствует о невозможности для налогоплательщика подтвердить, а для налогового органа - опровергнуть совершение конкретной хозяйственной операции из числа указанных в статье 193 Налогового кодекса Российской Федерации и, соответственно, наличие или отсутствие права применения нулевой налоговой ставки. Применение в таком случае ставки акциза 0 процентов

обесмысливало бы квалификацию выявленной недостачи в качестве объекта налогообложения и вело бы к злоупотреблениям со стороны плательщика акциза, притом что поступление в бюджет государства суммы акциза от возможного контрагента налогоплательщика в данном случае также не обеспечивается.

Федеральный законодатель не лишен возможности дальнейшего совершенствования правового регулирования вопросов оборота этилового спирта.

Так, в отношении последствий прекращения действия лицензии для организаций - производителей этилового спирта он вправе расширить круг законных способов распорядиться образовавшимися у них остатками данной продукции (особенно это значимо для случаев, когда деятельность данных лиц не была сопряжена с нарушениями установленных правил). Он также вправе регламентировать процедуру уничтожения организацией-налогоплательщиком остатков этилового спирта (например, предусмотрев возможность участия представителя уполномоченного государственного органа в этой процедуре или конкретный способ ее фиксации).

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 12.05.2020 № 23-П «По делу о проверке конституционности пункта 5 статьи 123.22 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой Общества с ограниченной ответственностью «Лысьва-теплоэнерго»

Содержание жалобы

Пункт 5 статьи 123.22 Гражданского кодекса Российской Федерации является предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по данному делу постольку, поскольку он служит основанием для решения вопроса о возможности привлечь к субсидиарной ответственности собственника имущества ликвидированного муниципального бюджетного учреждения по обязательствам, вытекающим из публичного договора (включая договор теплоснабжения), в случае недостаточности денежных средств этого бюджетного учреждения.

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации признал пункт 5 статьи 123.22 Гражданского кодекса Российской Федерации не соответствующим Конституции Российской Федерации, поскольку в системе действующего правового регулирования он исключает возможность привлечь к субсидиарной ответственности собственника имущества (учредителя) ликвидированного муниципального бюджетного учреждения по его обязательствам, вытекающим из публичного договора (включая договор теплоснабжения).

Комментарий

Как следует из представленных Конституционному Суду Российской Федерации и исследованных им материалов, включая практику применения пункта 5 статьи 123.22 Гражданского кодекса Российской Федерации арбитражными судами, они, вынося решения о невозможности привлечь собственника имущества ликвидируемого муниципального бюджетного учреждения к субсидиарной ответственности по обязательствам этого учреждения, вытекающим из публичного договора теплоснабжения, руководствуются в том числе данной нормой и последовательно исходят из установленных законом особенностей организационно-правовой формы муниципального бюджетного учреждения как юридического лица.

При этом не принимаются во внимание как общие и специальные цели создания и важные аспекты деятельности муниципального бюджетного учреждения в рамках выполнения возложенных на него полномочий, реализация которых требует заключения им публичных договоров, так и невозможность его контрагентов отказаться от заключения и исполнения таких договоров.

Вопреки положению Конституции Российской Федерации о том, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц, сложившийся подход не может обеспечить надлежащего баланса между законными интересами должника и кредитора, поскольку не исключает злоупотреблений правом со стороны должников - муниципальных бюджетных учреждений, имущество которых в ряде случаев оказывается, по сути, «защищено» их публичным собственником от имущественной ответственности перед контрагентами.

При отсутствии юридической возможности снять ограничения в отношении возложения субсидиарной ответственности на собственника имущества бюджетного учреждения, в том числе муниципального (включая случаи недостаточности находящихся в его распоряжении денежных средств для исполнения своих обязательств из публичного договора теплоснабжения при его ликвидации), подобное правовое регулирование способно повлечь нарушение гарантируемых Конституцией Российской Федерации прав стороны, заключившей и исполнившей публичный договор и не получившей встречного предоставления.

Федеральному законодателю надлежит внести в действующее правовое регулирование надлежащие изменения, вытекающие из данного Постановления.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13.05.2020 № 24-П «По делу о проверке конституционности статей 26.9 и 26.10, части 3 статьи 28.6 и части 6 статьи 29.10 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом Костромского областного суда»

Содержание жалобы

Предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по данному делу являются часть 3 статьи 28.6 и часть 6 статьи 29.10 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в той мере, в какой они выступают основанием - во взаимосвязи с иными положениями данного Кодекса - для решения вопроса о допустимости отнесения законом субъекта Российской Федерации к подведомственности административных комиссий дел о предусмотренных законом субъекта Российской Федерации административных правонарушениях в области благоустройства территории, совершенных с использованием транспортного средства и зафиксированных с применением работающих в автоматическом режиме специальных технических средств, имеющих функции фото- и киносъемки, видеозаписи, или средств фото- и киносъемки, видеозаписи.

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации признал часть 3 статьи 28.6 и часть 6 статьи 29.10 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку они означают, что разрешение в установленном ими порядке дел об административных правонарушениях в области благоустройства территории, предусмотренных законом субъекта Российской Федерации, совершенных с использованием транспортного средства и зафиксированных с применением работающих в автоматическом режиме специальных технических средств, имеющих функции фото- и киносъемки, видеозаписи, или средств фото- и киносъемки, видеозаписи, может быть отнесено законом субъекта Российской Федерации к подведомственности административных комиссий, образованных на основании его закона, и что оформленное в форме электронного документа постановление по делу об административном правонарушении, вынесенное административной комиссией, подписывается усиленной квалифицированной электронной подписью ее уполномоченного должностного лица.

Комментарий

Иное вопреки положениям Конституции Российской Федерации препятствовало бы законодательному урегулированию субъектами Российской Федерации порядка рассмотрения соответствующей категории дел об административных правонарушениях и, как следствие, вступало бы в противоречие с принципом неотвратимости ответственности.

Признание части 3 статьи 28.6 и части 6 статьи 29.10 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях не противоречащими Конституции Российской Федерации не лишает федерального законодателя возможности уточнить редакцию части 3 статьи 28.6 и части 6 статьи 29.10 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях путем указания, наряду с должностным лицом, и на орган, уполномоченный рассматривать дела об административных правонарушениях, как на субъект административной юрисдикции по делам соответствующей категории, с тем чтобы обеспечить согласованность этих законоположений с нормами законодательства об административных правонарушениях, определяющими подведомственность дел об административных правонарушениях.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19.05.2020 № 25-П «По делу о проверке конституционности абзаца восьмого части первой статьи 59 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.А. Сысоева»

Содержание жалобы

Предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по данному делу является абзац восьмой части первой статьи 59 Трудового кодекса Российской Федерации в той мере, в какой он в системе действующего правового регулирования служит основанием для заключения с работником срочного трудового договора (в том числе многократного заключения такого договора на выполнение работы по одной и той же должности (профессии, специальности) в целях обеспечения исполнения обязательств работодателя по заключенным им гражданско-правовым договорам об оказании услуг, относящихся к его уставной деятельности, со ссылкой исключительно на срочный характер данных гражданско-правовых договоров, а также для решения вопроса о правомерности увольнения работника в связи с истечением обусловленного указанными обстоятельствами срока трудового договора.

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации признал абзац восьмой части первой статьи 59 Трудового кодекса Российской Федерации не противоречащим Конституции Российской Федерации в той мере, в какой он не предполагает заключения с работником срочного трудового договора (в том числе многократного заключения такого договора на выполнение работы по одной и той же должности (профессии, специальности) в целях обеспечения исполнения обязательств работодателя по заключенным им гражданско-правовым договорам об оказании услуг, относящихся к его уставной деятельности, а также последующего увольнения работника в связи с истечением срока трудового договора, если срочный характер трудовых отношений обусловлен

исключительно ограниченным сроком действия указанных гражданско-правовых договоров.

Комментарий

Истолкование абзаца восьмого части первой статьи 59 Трудового кодекса Российской Федерации как допускающего заключение с работником срочного трудового договора (в том числе многократное заключение такого договора на выполнение работы по одной и той же должности (профессии, специальности) в целях обеспечения исполнения обязательств работодателя по заключенным им гражданско-правовым договорам об оказании услуг, относящихся к его уставной деятельности, - притом что срочный характер трудовых отношений обусловлен исключительно ограниченным сроком действия указанных гражданско-правовых договоров - и, как следствие, предполагающего увольнение работника в связи с истечением срока трудового договора не только расходилось бы с действительным смыслом данного законоположения, но и приводило бы к выходящему за рамки конституционно допустимых ограничений прав и свобод ущемлению конституционного права каждого на свободное распоряжение своими способностями к труду, выбор рода деятельности и профессии, а также к нарушению баланса конституционных прав и свобод работника и работодателя.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27.05.2020 № 26-П «По делу о проверке конституционности абзаца пятого подпункта «в» пункта 3 статьи 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» в связи с жалобой гражданки О.Н. Селиной»

Содержание жалобы

Предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по данному делу является абзац пятый подпункта «в» пункта 3 статьи 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» в той мере, в какой на его основании решается вопрос об увольнении с военной службы военнослужащих, после расторжения брака воспитывающих детей, не достигших 18 лет, при условии, что второй родитель ребенка в силу объективных причин не имеет возможности участвовать в уходе за ним.

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации признал абзац пятый подпункта «в» пункта 3 статьи 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» не противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку данная норма направлена прежде всего на защиту интересов несовершеннолетних детей граждан, проходящих военную службу, и не предполагает произвольного - без тщательного исследования всех обстоятельств дела (включая состояние здоровья ребенка, возможность посещения им

дошкольной образовательной организации, наличие или отсутствие обстоятельств, препятствующих второму родителю участвовать в воспитании ребенка и уходе за ним, и др.) - отказа в увольнении с военной службы военнослужащих, после расторжения брака воспитывающих детей, не достигших возраста 18 лет.

Комментарий

Разрешая вопрос об увольнении военнослужащего по основанию, предусмотренному абзацем пятым подпункта «в» пункта 3 статьи 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», как воинские должностные лица, так и суды, рассматривающие дела данной категории, должны принимать во внимание весь комплекс конкретных обстоятельств, имеющих значение для реализации указанных целей, включая оценку состояния здоровья ребенка и зависящую от такой оценки возможность посещения им дошкольной образовательной организации, наличие или отсутствие причин, препятствующих второму родителю участвовать в воспитании ребенка и уходе за ним.

Иное вступало бы в противоречие с конституционными требованиями защиты семьи, материнства, отцовства и детства, их государственной поддержки и с установленными Конституцией Российской Федерации принципами социального государства, а также нарушало бы баланс публичных и частных интересов.

Таким образом, абзац пятый подпункта «в» пункта 3 статьи 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования не может расцениваться как противоречащий конституционным предписаниям, поскольку он направлен прежде всего на защиту интересов несовершеннолетних детей граждан, проходящих военную службу, и не предполагает произвольного - без тщательного исследования всех обстоятельств дела (включая состояние здоровья ребенка, возможность посещения им дошкольной образовательной организации, наличие или отсутствие обстоятельств, препятствующих второму родителю участвовать в воспитании ребенка и уходе за ним, и др.) - отказа в увольнении с военной службы военнослужащих, после расторжения брака воспитывающих детей, не достигших возраста 18 лет.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 04.06.2020 № 27-П «По делу о проверке конституционности статьи 3.4 Закона Самарской области «О порядке подачи уведомления о проведении публичного мероприятия и обеспечении отдельных условий реализации прав граждан на проведение публичных мероприятий в Самарской области» в связи с жалобой граждан Н.П. Барановой, А.Г. Круглова и Д.И. Сталина»

Содержание жалобы

Статья 3.4 Закона Самарской области «О порядке подачи уведомления о проведении публичного мероприятия и обеспечении отдельных условий реализации прав граждан на проведение публичных мероприятий в Самарской области» является предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по данному делу постольку, поскольку в системе действующего правового регулирования ею к числу мест, в которых запрещается проведение собраний, митингов, шествий, демонстраций, отнесены места, расположенные ближе 150 метров от военных объектов, зданий, занимаемых образовательными организациями, зданий и объектов, используемых для богослужений, проведения религиозных обрядов и церемоний, зданий, занимаемых организациями, в которых осуществляется оказание стационарной медицинской помощи.

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации признал статью 3.4 Закона Самарской области «О порядке подачи уведомления о проведении публичного мероприятия и обеспечении отдельных условий реализации прав граждан на проведение публичных мероприятий в Самарской области» не соответствующей Конституции Российской Федерации, постольку, поскольку в системе действующего правового регулирования установленный ею запрет собраний, митингов, шествий и демонстраций в местах, расположенных ближе 150 метров от военных объектов, зданий, занимаемых образовательными организациями, зданий и объектов, используемых для богослужений, проведения религиозных обрядов и церемоний, зданий, занимаемых организациями, в которых осуществляется оказание стационарной медицинской помощи, выходит за конституционные пределы законодательных полномочий субъектов Российской Федерации.

Комментарий

Признание Конституционным Судом Российской Федерации статьи 3.4 Закона Самарской области «О порядке подачи уведомления о проведении публичного мероприятия и обеспечении отдельных условий реализации прав граждан на проведение публичных мероприятий в Самарской области» не соответствующей Конституции Российской Федерации требует внесения необходимых изменений как в данный Закон Самарской области, так и в законы иных субъектов Российской Федерации, содержащие положения, аналогичные предусмотренным этой нормой.

Вместе с тем Конституционный Суд Российской Федерации обращает внимание на то, что принятие данного Постановления не отменяет действия, в том числе на территории Самарской области, части 2.1 статьи 8 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях», в соответствии с которой после определения органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации специально отведенных (приспособленных) мест публичные мероприятия проводятся, как правило, в таких местах.

Соответственно, проведение собраний, митингов, шествий, демонстраций и пикетирований в других местах, даже если они не отнесены к тем, где федеральным законом или законом субъекта Российской Федерации запрещено проведение публичных мероприятий, должно быть обусловлено объективными причинами, свидетельствующими о невозможности организации конкретного публичного мероприятия в специально отведенных (приспособленных) местах (занятость указанных мест, недостаточность их предельной заполняемости заявленному числу участников публичного мероприятия, верифицируемая связь планируемого публичного мероприятия с конкретным местом и т.п.). Иначе реализация конституционно гарантированного права граждан на свободу мирных собраний будет сопряжена с незаконным отступлением от установленных федеральным законодателем правил проведения публичных мероприятий, определяющих пределы усмотрения их организаторов в вопросе выбора места таких мероприятий, имеющие своим предназначением обеспечение в указанной сфере разумного баланса частных и публичных интересов, вытекающего из статей Конституции Российской Федерации.

При этом в случае отказа органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации или органа местного самоуправления в согласовании проведения публичного мероприятия в месте, не включенном в установленном законом порядке в перечень единых мест, специально отведенных или приспособленных для коллективного обсуждения общественно значимых вопросов и выражения общественных настроений, а также для массового присутствия граждан в целях публичного выражения мнения по поводу актуальных проблем преимущественно общественно-политического характера, его организатору должна быть гарантирована возможность обращения за защитой своего права на свободу мирных собраний в суд, который обязан в максимально короткий срок до даты проведения планируемого публичного мероприятия объективно и всесторонне оценить обоснованность такого отказа.

Законодателю Самарской области надлежит внести в действующее правовое регулирование необходимые изменения.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23.06.2020 № 28-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 4.6 и части 1.3 статьи 32.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом Костромского областного суда»

Содержание жалобы

Положения статьи 4.6 и части 1.3 статьи 32.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях являются предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по данному делу постольку, поскольку они служат основанием для определения момента окончания срока, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию, если назначенный такому лицу административный штраф уплачен в половинном размере до вступления в законную силу постановления по делу об административном правонарушении.

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации признал положения статьи 4.6 и части 1.3 статьи 32.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях не соответствующими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они не позволяют определить порядок исчисления срока, в течение которого лица, уплатившие административный штраф в половинном размере до вступления постановления о его назначении в законную силу, считаются подвергнутыми административному наказанию.

Федеральному законодателю надлежит внести в действующее правовое регулирование изменения, вытекающие из данного Постановления.

Впредь до внесения надлежащих изменений положения статьи 4.6 и части 1.3 статьи 32.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях должны рассматриваться как устанавливающие, что для лиц, уплативших административный штраф в половинном размере до вступления постановления о его назначении в законную силу, срок, в течение которого такие лица считаются подвергнутыми административному наказанию, оканчивается по истечении года со дня уплаты назначенного им административного штрафа.

Комментарий

Федеральному законодателю надлежит внести в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях изменения, определяющие правила исчисления срока, в течение которого лица, уплатившие административный штраф до вступления постановления о его назначении в законную силу, в том числе в половинном размере, считаются подвергнутыми административному наказанию.

Впредь до внесения в данный Кодекс надлежащих изменений положения статьи 4.6 и части 1.3 статьи 32.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях должны рассматриваться как

устанавливающие, что для лиц, уплативших административный штраф в половинном размере до вступления постановления о его назначении в законную силу, срок, в течение которого такие лица считаются подвергнутыми административному наказанию, оканчивается по истечении года со дня уплаты назначенного им административного штрафа.

При этом законодатель не лишен возможности установить новое регулирование так, чтобы не предоставлять лицам, которые получили в соответствии с частью 1.3 статьи 32.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях возможность уменьшить бремя своего наказания за административное правонарушение в области дорожного движения путем уплаты штрафа в половинном размере в двадцатидневный срок с момента вынесения постановления о его назначении, дополнительных - обусловленных этой уплатой - преимуществ при исчислении срока административной наказанности и привлечении к ответственности за повторное совершение такого же административного правонарушения.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25.06.2020 № 29-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 21 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» в связи с жалобой гражданина И.В. Николаенко»

Содержание жалобы

Часть первая статьи 21 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» является предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по данному делу в той мере, в какой на ее основании решается вопрос о возможности выезда за пределы Российской Федерации несовершеннолетнего лица в сопровождении того из родителей, с которым на законных основаниях постоянно проживает это лицо и который ранее заявил в установленном порядке о несогласии на выезд своего ребенка за границу.

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации признал часть первую статьи 21 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» не соответствующей Конституции Российской Федерации в той мере, в какой по смыслу, придаваемому данной норме правоприменительной практикой, она, допуская решение судом вопроса о возможности выезда несовершеннолетнего за пределы Российской Федерации в сопровождении одного из родителей лишь в отношении конкретной поездки (в определенное государство и в определенный период) и тем более действуя в системе правового регулирования, исключаящего решение этого вопроса во

внесудебной процедуре в случае достижения родителями взаимного согласия, в полной мере применяется и к тому из родителей, с которым на законных основаниях постоянно проживает ребенок и который ранее в установленной процедуре заявил о своем несогласии на такой выезд.

Комментарий

Федеральному законодателю надлежит внести в действующее регулирование изменения, направленные на совершенствование порядка решения вопроса о возможности выезда несовершеннолетнего за пределы Российской Федерации в сопровождении одного из родителей.

Внесение в федеральное законодательство изменений, направленных на устранение выявленного конституционно-правового дефекта, с необходимостью предполагает обязанность органов исполнительной власти своевременно привести в соответствие с законом подзаконное нормативно-правовое регулирование, с тем чтобы воля, выраженная законодателем, не ставилась под сомнение, а в правоприменительной практике исключалось противоречивое истолкование правовых норм.

Во всяком случае, и до вступления в силу нового регулирования суды не могут быть ограничены в возможности - при строгом соблюдении выраженных в данном Постановлении правовых позиций - решить вопрос о выезде несовершеннолетнего за пределы Российской Федерации не только в части конкретной поездки, но и более широким образом.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26.06.2020 № 30-П «По делу о проверке конституционности частей третьей и пятой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», части первой статьи 439 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 4 части 1 статьи 43 Федерального закона «Об исполнительном производстве» в связи с жалобой граждан В.В. Одиноборцева, Е.В. Одиноборцева, М.Е. Одиноборцева, Н.В. Одиноборцевой и Т.П. Одиноборцевой»

Содержание жалобы

Часть первая статьи 439 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и пункт 4 части 1 статьи 43 Федерального закона «Об исполнительном производстве» являются предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по данному делу постольку, поскольку они служат правовым основанием для решения вопроса о невозможности продолжения исполнения судебных постановлений о выселении граждан из жилых помещений, признание которых принадлежащими на праве собственности публично-правовым образованиям основано на актах или их отдельных положениях, признанных впоследствии постановлением Конституционного Суда Российской Федерации.

Федерации неконституционными, - по обращениям лиц, не являвшихся участниками конституционного судопроизводства.

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации признал части третью и пятую статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», часть первую статьи 439 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и пункт 4 части 1 статьи 43 Федерального закона «Об исполнительном производстве» не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку данные законоположения по своему конституционно-правовому смыслу не предполагают продолжения исполнительного производства по выселению из жилого помещения граждан, не являвшихся участниками конституционного судопроизводства, - если судебное решение о выселении, признавшее право собственности на данное жилое помещение за публично-правовым образованием, основано на актах или их отдельных положениях, признанных постановлением Конституционного Суда Российской Федерации неконституционными (или получивших в нем конституционное истолкование), и не исполнено (либо исполнено частично) на момент вынесения такого постановления Конституционного Суда Российской Федерации - до пересмотра судебного решения, послужившего основанием для возбуждения исполнительного производства.

Федеральному законодателю надлежит внести в правовое регулирование необходимые изменения, направленные на установление правового механизма пересмотра судебных постановлений, основанных на актах или их отдельных положениях, признанных постановлением Конституционного Суда Российской Федерации неконституционными (или получивших в нем конституционное истолкование), не исполненных (либо исполненных частично) на момент вынесения такого постановления Конституционного Суда Российской Федерации.

Комментарий

Прекращение в соответствующих случаях исполнительного производства, возбужденного на основании решения суда, применившего акты или их отдельные положения, признанные впоследствии постановлением Конституционного Суда Российской Федерации неконституционными (или получившие в нем конституционное истолкование), в конкретных делах лиц, не являвшихся участниками конституционного судопроизводства, означало бы окончательное завершение всех действий по исполнительному производству и невозможность его возобновления в будущем без рассмотрения вопроса о правовой судьбе решения, послужившего основанием для возбуждения исполнительного производства. Это приводило бы к неопределенности в правоотношениях кредитора (взыскателя) и должника (ответчика), не позволяющей преодолеть возникшую коллизию их интересов, что не согласуется с конституционными принципами полноценной судебной защиты прав и свобод, обеспечением надлежащего уровня гарантий права на судебную защиту.

Следовательно, вывод о невозможности исполнения судебного решения в связи с вынесением постановления Конституционного Суда Российской Федерации по делам лиц, не являвшихся участниками конституционного судопроизводства, во всяком случае является предпосылкой для обращения в суд с требованием о пересмотре такого судебного решения (в том числе не исключает повторного возвращения компетентного суда к вопросу о его пересмотре по правилам главы 42 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации) с учетом сформулированных в данном Постановлении правовых позиций.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30.06.2020 № 31-П «По делу о проверке конституционности подпункта 12 пункта 1 и пункта 3 статьи 164, а также пункта 14 статьи 165 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой компании «GAZPROM NEFT TRADING GMBH»

Содержание жалобы

Предметом рассмотрения по данному делу являются взаимосвязанные положения подпункта 12 пункта 1, пункта 3 статьи 164 и пункта 14 статьи 165 Налогового кодекса Российской Федерации, на основании которых решается вопрос о налоговой ставке по налогу на добавленную стоимость в отношении операции по реализации услуг по предоставлению морских судов в пользование на основании договоров фрахтования судна на время (тайм-чартер) для целей перевозки вывозимых за пределы Российской Федерации товаров в случае, если налогоплательщик оказывал соответствующие услуги только на внутрироссийском этапе международной перевозки в связи с наступлением непредвиденных и не зависящих от воли сторон обстоятельств, прервавших осуществление международной перевозки.

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации признал взаимосвязанные положения подпункта 12 пункта 1 и пункта 3 статьи 164, а также пункта 14 статьи 165 Налогового кодекса Российской Федерации не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку они предполагают необходимость обложения налогом на добавленную стоимость по ставке 0 процентов операций по реализации услуг по предоставлению морских судов в пользование на основании договоров фрахтования судна на время (тайм-чартер) для целей перевозки вывозимых за пределы Российской Федерации товаров и в том случае, если налогоплательщик фактически оказывал соответствующие услуги только на внутрироссийском этапе международной перевозки в связи с наступлением непредвиденных и не зависящих от воли сторон обстоятельств, прервавших осуществление международной перевозки, и если им будут

представлены документы, достоверно подтверждающие связь указанных услуг с завершенной экспортной операцией, подлежащей обложению налогом на добавленную стоимость по ставке 0 процентов, а также факт наступления непредвиденных и не зависящих от воли сторон обстоятельств, в связи с которыми продолжение международной перевозки стало невозможным.

Комментарий

Как следует из правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, выраженной в ряде его решений, в том числе в Постановлении от 27.04.2001 № 7-П, принцип равенства не исключает возможность установления различных условий для различных категорий субъектов права; однако такие различия не могут быть произвольными, они должны основываться на объективных характеристиках соответствующих категорий субъектов.

Данная правовая позиция, имеющая общее значение для всех отраслей законодательного регулирования, применительно к сфере налоговых отношений означает, что конституционный принцип равенства не препятствует законодателю использовать дифференцированный подход к регламентации порядка исчисления налогов в том случае, если такая дифференциация обусловлена объективными факторами, а также связана с необходимостью реализации одного из основных начал законодательства о налогах и сборах, заключающегося в установлении налогов исходя из фактической способности налогоплательщика к уплате налога (пункт 1 статьи 3 Налогового кодекса Российской Федерации).

Соответственно, хозяйствующие субъекты - плательщики налога на добавленную стоимость, осуществляющие одинаковые по своей сути операции, не должны нести разное налоговое бремя. Такой подход гарантирует, в свою очередь, отсутствие необоснованного влияния на конкурентное положение на рынке для налогоплательщиков, совершающих идентичные хозяйственные операции.

Вместе с тем судебное истолкование оспариваемых положений в деле заявителя, согласно которому российская часть двухэтапной перевозки, осуществленной в результате произошедшей аварии зафрахтованного судна, подлежит обложению по ставке 18 процентов (в соответствии с действующей редакцией пункта 3 статьи 164 Налогового кодекса Российской Федерации - 20 процентов), вступает в противоречие с конституционно значимым принципом равенства налогообложения.

Таким образом, из системного толкования положений подпункта 12 пункта 1 статьи 164 и пункта 14 статьи 165 Налогового кодекса Российской Федерации с учетом тех целей, которыми руководствовался законодатель, предусматривая право на применение ставки 0 процентов по налогу на добавленную стоимость к услугам тайм-чартера в рамках экспорта, следует, что для целей применения указанной ставки определяющее правовое значение имеет экономическая сущность произведенной операции (связь с экспортной операцией), направленность действий на вывоз товаров за пределы территории Российской

Федерации и обусловленность прекращения взаимоотношений сторон в рамках тайм-чартера непредвиденными причинами, не зависящими от воли сторон.

Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 14.01.2020 № 5-О «По жалобе гражданки Мариной Анны Николаевны на нарушение ее конституционных прав частью первой статьи 125 и частью четвертой статьи 221 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»

Определением от 14.01.2020 № 5-О Конституционный Суд Российской Федерации выявил смысл положений части первой статьи 125 и части четвертой статьи 221 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Оспоренными положениями части первой статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации предусматривается, что постановления органа дознания, дознавателя, следователя, руководителя следственного органа об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела, а равно иные действия (бездействие) и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа и прокурора, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию, могут быть обжалованы в районный суд по месту совершения деяния, содержащего признаки преступления.

Положениями части четвертой статьи 221 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации закрепляется в том числе порядок обжалования следователем постановления прокурора о возвращении уголовного дела.

Как указал Конституционный Суд Российской Федерации, установленный порядок обжалования следователем постановления прокурора о возвращении дела определяет взаимоотношения соответствующих должностных лиц при отправлении ими должностных полномочий в ходе досудебного производства и не распространяется на потерпевших и иных лиц, выступающих в защиту собственных интересов, тем более в случаях, когда процессуальное решение, принятое в рамках прокурорско-надзорных полномочий, само по себе не ведет к причинению ущерба конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо реальному ограничению их доступа к правосудию.

Статья 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, являющаяся одной из гарантий обеспечения конституционного права граждан на доступ к правосудию, предполагает в случае, когда прекращением уголовного дела на досудебной стадии судопроизводства это право ставится под угрозу нарушения, проверку судом по жалобе потерпевшего на постановление следователя о прекращении уголовного дела с точки зрения законности и фактической обоснованности данного постановления изложенными в нем

обстоятельствами, с учетом всех значимых для решения этого вопроса факторов, которые могли существенно повлиять на вывод о наличии фактических и правовых оснований для прекращения уголовного дела, включая обстоятельства, на которые указывает в своей жалобе потерпевший, материалы прокурорского реагирования, обусловившие изменение уголовно-правовой квалификации инкриминируемого обвиняемому деяния, если это послужило непосредственной предпосылкой для прекращения уголовного дела ввиду истечения срока давности уголовного преследования, а также доводы, приводимые в обоснование своей позиции лицами, участвующими в судебном рассмотрении жалобы, с тем чтобы этот вопрос не разрешался исходя из одних лишь формальных условий прекращения дела, а суд, руководствуясь критериями эффективности и справедливости правосудия, основываясь на самостоятельной оценке существенных в таких ситуациях обстоятельств, соблюдая баланс публичных интересов правосудия, прав и законных интересов участников процесса.

Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27.01.2020 № 7-О «По жалобе гражданина Котова Константина Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации»

В Определении от 27.01.2020 № 7-О Конституционный Суд Российской Федерации повторил правовые позиции, изложенные в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 10.02.2017 № 2-П.

Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что статья 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации с учетом ее конституционно-правового смысла, выявленного в указанном Постановлении, не содержит положений, допускающих наступление уголовной ответственности за одно лишь формальное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования, равно как и предполагающих применение к привлекаемому к уголовной ответственности лицу наказания в виде лишения свободы, если приговором не установлены утрата публичным мероприятием мирного характера или причинение либо реальная угроза причинения именно существенного вреда здоровью граждан, имуществу физических или юридических лиц, окружающей среде, общественному порядку, общественной безопасности, иным конституционно охраняемым ценностям, а также причинно-следственная связь указанных последствий с нарушением виновным лицом установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования.

Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 09.04.2020 № 811-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дворянчикова Владимира Николаевича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 части 1 статьи 91 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации»

Определением от 09.04.2020 № 811-О Конституционный Суд Российской Федерации выявил смысл пункта 1 части 1 статьи 91 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации.

Согласно оспоренным положениям к числу обеспечительных мер арбитражного суда относится наложение ареста на денежные средства (в том числе денежные средства, которые будут поступать на банковский счет) или иное имущество, принадлежащие ответчику и находящиеся у него или других лиц.

Как отметил Конституционный Суд Российской Федерации, при исполнении основанного на определении арбитражного суда о принятии обеспечительных мер исполнительного документа не предполагается наличия у судебного пристава-исполнителя не ограниченного ничем правомочия по наложению ареста на все принадлежащее должнику имущество, включая денежные средства, в результате которого должник и лица, находящиеся у него на иждивении, лишались бы возможности обеспечения своего нормального существования и реализации жизненно необходимых потребностей.

Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 26.05.2020 № 1107-О «По жалобе гражданина Абдулхалимова Магомедшапи Магомедовича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 135 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»

Определением от 26.05.2020 № 1107-О Конституционный Суд Российской Федерации выявил смысл положений части второй статьи 135 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Согласно оспоренным положениям в течение сроков исковой давности, установленных Гражданским кодексом Российской Федерации, со дня получения копии документов, указанных в части первой статьи 134 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, и извещения о порядке возмещения вреда реабилитированный вправе обратиться с требованием о возмещении имущественного вреда в суд, постановивший приговор, вынесший постановление, определение о прекращении уголовного дела и (или) уголовного преследования, либо в суд по месту жительства реабилитированного, либо в суд по месту нахождения органа, вынесшего постановление о прекращении уголовного дела и (или) уголовного преследования либо об отмене или изменении незаконных или необоснованных решений; если уголовное дело прекращено или

приговор изменен вышестоящим судом, то требование о возмещении вреда направляется в суд, постановивший приговор, либо в суд по месту жительства реабилитированного.

Как отметил Конституционный Суд Российской Федерации, оспоренные положения, применяемые в системе действующего правового регулирования, не могут расцениваться как позволяющие ограничить реабилитированного в праве на квалифицированную юридическую помощь - включая возможность адвоката обратиться в интересах реабилитированного в суд с требованием о возмещении имущественного вреда - на том основании, что право на реабилитацию признано законом за самим этим лицом (обвиняемым, оправданным). Иное истолкование лишало бы заинтересованных лиц возможности в полной мере пользоваться гарантированным им Конституцией Российской Федерации правом на получение квалифицированной юридической помощи и правом на судебную защиту.